

Статья «Александр Радищев» была написана не только для того, чтобы напомнить русскому читателю о жизни и деятельности замечательного человека, писателя, философа и революционера. В ней Пушкин на конкретном примере решал важнейший для общественного движения 30-х годов вопрос о поведении человека, живущего в условиях деспотического самодержавия и рабства. Изучение опыта европейской и американской революций, не принесших народам обещанной свободы, с одной стороны, и русской, трагически кончившейся крестьянской войны и восстания декабристов, — с другой, подорвало пушкинскую надежду на революцию, как средство завоевания свободы. Оттого в своей статье он искренне говорит об ошибочности радищевских упований. И в то же время он сочувственно относится к самому факту выступления Радищева против самодержавия. Этот момент биографии писателя выписан Пушкиным подробно. Сначала им восстанавливаются исторические обстоятельства выступления Радищева: «Сила правительства», «строгость законов той поры», «суровые люди», окружавшие престол Екатерины, — казалось, в этих условиях протест невозможен. Но случилось иначе: «мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины».

Такова драматическая коллизия. Радищев не только ненавидит самодержавие и рабство, но и отлично понимает могучую силу самодержавия, знает, что в своем протесте он одинок и не будет никем поддержан. Народ, который, по его убеждениям, только сам может добыть себе свободу, сделает это не скоро, только при благоприятных обстоятельствах, в далеком будущем. Как же в этих условиях должен был вести себя Радищев? Рисую эту коллизию, Пушкин задавал вопрос своим современникам. Вопрос был животрепещущим. Он напоминал и о судьбе декабристов. Хотя они действовали сообща и каждый участник заговора надеялся на соединенные силы своих товарищей, но все равно силы борющихся сторон были не равны — с одной стороны горсточка отважных, с другой — всеисилие деспотизма.

Выступление в таких условиях, без надежды на победу, пишет Пушкин, «покажется нам действием сумасшедшего». И все же, продолжает свою мысль Пушкин, поступок Радищева понятен и, более того, — закономерен. Учитывая цензуру, всячески оговариваясь, внося в текст спасительные эпитеты, он оправдывает и приветствует драматическое разрешение конфликта Радищева с самодержавием. Да, пусть поступок Радищева — «преступление», говорит Пушкин, «но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарской совестью».

Оправдание поступка Радищева было главным в статье Пушкина. Обстоятельства жизни в России не изменились, и потому